

ОБРАЗ ВРАЧА В АСПЕКТЕ «КЛЯТВЫ ГИППОКРАТА»

Байрамова Л.К.

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18). e-mail: luiziana08@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию основных положений «Клятвы Гиппократова» в аспектах деонтологии, а также проблем отражения образа врача в русской, татарской, английской и французской художественной литературе. В настоящем обзоре подробно описаны основные принципы кодекса чести врача по «Клятве Гиппократова», а также изложены основные причины соответствия/несоответствия этому кодексу чести в поведении врачей, изображенных отечественными и зарубежными писателями. Проведено подробное сравнение основных положений «Клятвы Гиппократова» с поведением врачей; положительными образами врачей раскрыты следующие черты: милосердие, самоотверженность, бескорыщность, умение вести приём, тщательность и полнота обследования больных, хранение врачебной тайны, учёт индивидуальных особенностей больных, использование результатов своих научных исследований, а также достижений современной науки.

Ключевые слова: врач, больной, клятва, деонтология, Гиппократ, помощь, милосердие, страдание, медицина.

THE PHYSICIAN IN ASPECTS OF THE "HIPPOCRATIC OATH"

Bairamova L.K.

Kazan Federal University. Institute of Philology and Intercultural Communication, (18 Kremlyovskaja Str., Kazan, 420008, Russia). e-mail: luiziana08@mail.ru

This article is devoted to the study of the main statements of the "Hippocratic Oath" in terms of ethics and issues reflecting the image of a doctor in Russian, Tatar, English and French literature. In present review the basic principles of the code of honor of the doctor "Hippocratic Oath" are characterized in the details: and correspondance/non-correspondance of the code of doctor's honor and behavior are described by home and foreign authors. The detailed analysis of the basic features the "Hippocratic oath" was performed. The following features has been described: the mercy, keeping the patient's confidentiality, deep medical knowledge, taking into account the individual specific features, the broad use of our one knowledge and scientific data.

Keywords: doctor, patient, oath, deontology, Hippocrates, help, compassion, suffering, medicine.

Фразеологизм *клятва Гиппократова* связан с именем великого древнегреческого врача, реформатора античной медицины – Гиппократова (460–377 гг. до н.э.; по другим данным – 356 г. до н. э.). Как отмечают исследователи, деятельность Гиппократова протекала в период расцвета экономической и культурной жизни Древней Греции [4]. Нравственно-этические обязательства древнегреческого врача изложены в так называемой «Клятве Гиппократова». И хотя Гиппократу приписывается текст «Клятва Гиппократова», первоначальный вариант клятвы существовал ещё ранее [2].

Знаменитая «Клятва Гиппократова» оказала большое влияние на развитие врачебной этики в целом, ибо большинство её положений выражало гуманную сущность медицинской профессии.

В «Большой медицинской энциклопедии» указывается, что «в толковании «Клятвы» имелись большие различия в разных странах и в разные периоды, в зависимости от

общественного строя, от общего законодательства, от позиции руководителей врачебных объединений.

В дореволюционной России «Клятва Гиппократата» легла в основу «факультетского обещания», подписываемого выпускниками медицинских факультетов [2].

В Советском Союзе присяга врача – торжественное клятвенное обещание, которое в соответствии со статьей 13 «Основ» законодательства Союза СССР и союзных республик о здравоохранении приносят граждане СССР, окончившие высшие медицинские учебные заведения и медицинские факультеты университетов и получившие звание врача. (Текст присяги был утверждён Указом Президиума Верховного Совета СССР № 1364-VIII от 26 марта 1971 г.) [3].

Впоследствии выпускники многих европейских медицинских учебных заведений подписывали факультетское обещание, в основу «которого были положены нравственные заповеди «Клятвы» и других произведений Гиппократата. В 1948 г. в Женеве несколько измененное «Факультетское обещание» было принято Всемирной Ассоциацией врачей и стало называться «Женевская клятва» [3].

Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили основные положения деонтологии (совокупность этических норм выполнения медработниками своих профессиональных обязанностей), воплощенные в «Клятве Гиппократата», и художественные произведения (на русском, татарском, английском и французском языках), в которых нашли отражение образы врачей.

Основной метод исследования – сравнение идей «Клятвы Гиппократата» и положений деонтологии с образом жизнедеятельности врачей (по материалам художественных произведений).

Результаты исследования и их обсуждение

Литературный образ Гиппократата создан американским писателем У. Пенфилдом в романе «Факел» (W. Penfield. «The Torch»).

Гиппократ предстает перед читателем глубоко нравственным, человеколюбивым врачом, обладающим кладезем медицинских знаний, могущим предсказывать ход течения болезни, создавшим научное объяснение истоков болезни.

А когда больному нужна была помощь, Гиппократ при лечении подолгу оставался у постели больного.

Передавая свои знания ученикам, Гиппократ наставлял: «От души советую вам, помните о человеколюбии и не слишком задумывайтесь над тем, богат ваш больной или беден. Иногда лечите и даром <...> обязательно записывайте свои наблюдения <...> Я веду эти записи <...> Благодаря этому, снова увидев такую же болезнь, я могу правильно предсказывать её

течение. А когда люди убеждаются, что врач многое знает наперёд, они начинают ему доверять <...>» [6].

В романе У. Пенфилда «The Torch» клятва Гиппократов приводится в следующем виде.

Hippocratic oath

«I swear by Apollo Physician, by Asclepius, by Hygeia and Panacea and by all the gods and goddesses, making them my witnesses, that I will carry out, according to my ability and judgment, this oath and this indenture.

To hold my teacher in this art equal to my own parents; to make him partner in my livelihood; when he is in need of money to share mine with him; to consider his family as my own brothers, and to teach them this art, if they want to learn it, without fee or indenture; to impart instruction written, oral and practical, to my own sons, the sons of my teacher, and to indentured pupils who have taken the physician's oath, but to nobody else.

I will use treatment to help the sick according to my ability and judgment, but never with a view to injury and wrongdoing.

Neither will I administer a poison to anybody when asked to do so, nor will I suggest such a course.

Similarly I will not give to a woman a pessary to cause abortion, But I will keep pure and holy both my life and my art.

Into whatsoever houses I enter, I will enter to help the sick, and I will abstain from all intentional wrongdoing and harm, especially from abusing the bodies of man or woman, bond or free.

And whatsoever I shall see or hear in the course of my profession, as well as outside my profession in my intercourse with men, if it be what should not be published abroad, I will never divulge, holding such things to be holy secrets.

Now if I carry out this oath, and break it not, may I gain forever.

Reputation among all men for my life and for my art; but if I transgress it and forswear myself, may the opposite befall me» [13].

В русском переводе романа У. Пенфилда «Факел» представлен следующий текст «Клятвы Гиппократов».

Клятва

«Клянусь Апполоном-врачом, Асклепием, Гигиеей, и Панакеей, и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности и помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого

договора; наставления, устные уроки и всё остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому.

Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и своё искусство. В какой бы дом я ни вошёл, я войду туда для пользы больного, будучи далёк от всего намеренного, неправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или не услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной.

Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступившему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому» [6].

Образ врача в аспекте «Клятвы Гиппократ», безусловно, привлекал внимание художников слова.

Особенно интересны, на наш взгляд, образы врачей, раскрытые А.П. Чеховым – писателем и профессиональным врачом.

Так, в рассказе «Ионыч» читатель знакомится с образом врача – Дмитрием Ионычем Старцевым (по прозвищу «Ионыч»), который, по словам исследовательницы Т.Н. Сухановой, постепенно превращается «в монстра равнодушия» [8].

А.П. Чехов пишет, что одно из развлечений Старцева, «в которое он втянулся незаметно, мало-помалу, – это по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой, и, случалось, бумажек – желтых и зеленых ... было понапихано во все карманы рублей на семьдесят; и когда собиралось несколько сот, он отвозил в Общество взаимного кредита и клал там на текущий счёт ... и уже есть имение и два дома в городе, и он облюбовывает себе ещё третий...». «Жадность одолела», – заключает А.П. Чехов [11].

Не менее злободневен образ врача Хоботова из повести А.П. Чехова «Палата № 6». Молодой доктор Хоботов, давно мечтавший занять место опытного врача Андрея Ефимовича Рагина, прибегнул к чудовищному обману, и таким безнравственным путем ему удалось доверчивого Рагина заключить в палату для умалишенных (откуда выхода на волю нет) и занять его место. Вот как описал А.П. Чехов этот эпизод: «В тот же день перед вечером к Андрею Ефимовичу неожиданно явился Хоботов ...

– А я к вам по делу, коллега. Пришел приглашать вас; не хотите ли со мной на консилиум, а?

... Андрей Ефимыч оделся и вышел с ним на улицу ...

– А где ваш больной? – спросил Андрей Ефимыч.

– У меня в больнице. Мне уж давно хотелось показать вам ... Интереснейший случай. Пошли в больничный двор и, обойдя главный корпус, направились к флигелю, где помещались умалишенные.

– Тут у одного произошло осложнение со стороны лёгких, – сказал вполголоса Хоботов, входя с Андреем Ефимовичем в палату. – Вы погодите здесь, а я сейчас. Схожу только за стетоскопом.

И вышел. Уже смеркалось ... Но прошло полчаса, и вместо Хоботова вошел в палату Никита, держа в охапке халат, чьё-то бельё и туфли ... – Пожалуйста одеваться ... Ничего, бог даст, выздоровеете.

Андрей Ефимыч всё понял ...» [10].

Омерзительность поступка Хоботова налицо. В подобных случаях речь может идти не только о несоблюдении основных положений «Клятвы Гиппократата», но и об отсутствии соответствия поступка нравственно-этическим нормам кодекса чести человека. А, как известно, кодекс чести – это совокупность моральных, нравственно-этических взглядов, норм поведения, связанных с положительной репутацией человека.

К сожалению, Хоботов не одинок. Сравнение образа Хоботова, например, с образом доктора Дю Пуарье из романа Стендаля «Люсьен Левен» (Stendal. Lucien Leuwen), позволяет уверенно утверждать это.

... Задавшись целью отомстить молодому человеку Люсьену только за то, что его, доктора, раздражало наивное презрение Люсьена к мошенникам, ренегатам и лицемерам, он, вопреки этическому кодексу врача, где «требование сохранения врачебной тайны» обязательно, так же, как и запрет «действий, могущих причинить моральный или физический ущерб больному и его окружению», Дю Пуарье распускает слухи, что мадам де Шастеле, в которую влюблен Люсьен, серьёзно больна. И более того, решив нанести душевное страдание влюблённому Люсьену («Souffre, jeune bambin!» – «Страдай, мальчишка!» [14].), он прибегает к чудовищной лжи (о которой Люсьен непременно должен узнать): якобы у мадам де Шастеле когда-то был выкидыш от некоего господина, а сейчас она родила младенца втайне от всех ...[7].

К счастью, и сама жизнь, и художественная литература являет нам прекрасные примеры самоотверженности врачей, их честности, верности своему долгу.

Таков, например, образ врача Шарля Бовари из романа Гюстава Флобера «Мадам Бовари» (G. Flaubert «Madam Bovary»).

Шарль Бовари, сельский врач, в любое время суток и в любую непогоду спешил к больному, не брезгуя грязным бельём пациента, сырыми простынями, тазами, содержимое которых он внимательно разглядывал; получал прямо в лицо волны тёплой крови во время кровопусканий; приходилось слушать и предсмертные хрипы умирающего пациента...

Чтобы не отстать от науки, он подписался на новый журнал «Медицинский улей» [9].

Шарль Бовари снискал любовь сельчан, ибо внушал доверие своей нравственностью («...inspirait de la confiance par sa moralité») [12].

Женский образ врача-гинеколога – в центре романа Мдины Маликовой «Милосердие» (М. Маликова. «Шафкэтлек») [5]. Это профессор Джамилия Закировна Ильясова. Ей присущи самоотверженность, милосердие, использование своих научных достижений в практике лечения больных.

Замечательны лирические отступления автора М. Маликовой, раскрывающие образ врача и отношение людей к медицине. Вот одно из них:

«Вся надежда на медицину <...> Сколько людей повторяли и повторяют эти слова в тяжелейшие, горчайшие дни своей жизни! И сколько ещё будут их повторять! Пока живёт на земле человек, он будет смотреть на медицину с мольбой и надеждой <...> [5].

О, медицина, медицина, наука врачевания <...> Веками ты ведёшь борьбу с несправедливостью природы, с несчастьями <...> С самой смертью выходят на борьбу один на один твои служители! И пока будет жить на этой прекрасной земле человек, борьба эта никогда не утихнет».

И далее: «У настоящих врачей и душа чиста, как их белая одежда. Есть, конечно, люди, которые прячут под твоей белоснежной одеждой свои нечистые, запятнанные души, стремясь под твоей святой сенью к единственной цели: добыть себе славу и положение. Но твою подлинную славу создают не они, а те, кто хранит в себе тепло милосердия, пронизательность, знания и умение». [5].

Проникновенно звучат слова врача-преподавателя, дающего напутствие студентам, оканчивающим медицинский институт: «Живите, получая радость от облегчения человеческих страданий. Самое большое счастье в том!» [5].

Заключение

Сравнение основных положений «Клятвы Гиппократова» и учения врачебной деонтологии с поведением врачей – персонажей произведений художественной литературы показало, что положительными образами врачей раскрыты следующие черты: милосердие, самоотверженность, бескорытность, умение вести приём, тщательность и полнота

обследования больных, хранение врачебной тайны, учёт индивидуальных особенностей больных, использование результатов своих научных исследований, а также достижений науки в целом.

Именно эти образы (а не противопоставленные им отрицательные образы корыстных врачей) вдохновляют и оздоравливают общество.

Исследование поддержано грантом РГНФ – 14-04-00195 (2014–2016).

Список литературы

1. Билибин А.Ф., Вагнер Е.А., Корж С.Б. Деонтология медицинская / А.Ф. Билибин, Е.А. Вагнер, С.Б. Корж // Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б.В. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – Т. 7. – С. 109.
2. Заблудовский П.Е. Гиппократова клятва / П.Е. Заблудовский // Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б.В. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – Т. 6. – С. 38.
3. Исаков Ю.Ф., Майоров А.В. Присяга врача Советского Союза / Ю.Ф. Исаков, А.В. Майоров // Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б.В. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – Т. 21. – С. 75.
4. Лисицын Ю.П. Гиппократ / Ю.П. Лисицын // Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б.В. Петровский. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – Т. 6. – С. 37-38.
5. Маликова М. Г. Милосердие / М.Г. Маликова. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1995. – С. 139-140. / Перевод с татарского Елены Корнеевой.
6. Пенфилд У. Факел / У. Пенфилд. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – С. 234; 334-335. / Перевод с английского И.Г. Гуровой.
7. Стендаль. Люсьен Левен / Стендаль // Собрание сочинений в 12 томах. – М.: Правда, 1978. – Т. 3. – С. 457; 460-461. / Перевод с французского Б. Лифшица.
8. Суханова Т.Н. Ионыч / Т.Н. Суханова // Энциклопедия литературных героев. – М.: Аграф, 1997. – С. 174.
9. Флобер, Гюстав. Госпожа Бовари / Гюстав Флобер. – М.: Комсомольская правда, 2007. – С. 65-66. / Перевод с французского А. Чеботаревской.
10. Чехов, А.П. Палата № 6 / А.П. Чехов // Собрание сочинений в 30 томах. – М.: Наука, 1977. – Т. 8. – С. 119-120.
11. Чехов, А.П. / А.П. Чехов. Ионыч // Собрание сочинений в 12 томах. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1956. – Т. 8. – С. 333-337.

12. Flaubert, Gustave. Madame Bovary / Gustave Flaubert // Moscou: Editions en langues etrangeres, 1952. – p. 76.
13. Penfield, W. The Torch / Wilder Penfield // Toronto. 1968. – p. 273-274.
14. Stendal. Lucien Leuwen / Stedhal // Editions Radouga, 1984. – p. 306; 309-310.

Рецензенты:

Андромонова Н.А., д.фил.н., профессор Казанского федерального университета, г. Казань;
Мустафин И.Г., д.м.н., профессор, проректор по НИР Казанского государственного
медицинского университета, г. Казань.